

ГРЕЙ.

ОПЛОТ ПРОМЕТЕЯ

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОВ

Евгений Анпилов

Грей. Оплот Прометея.

«Автор»

2026

Анпилогов Е.

Грей. Оплот Прометея. / Е. Анпилогов — «Автор», 2026

ГРЕЙ. ОПЛОТ ПРОМЕТЕЯ Лед тронулся. И из-под него поднялся ад. Финальный запуск геотермальной станции «Прометей» изменил все. Великая Оттепель началась. Древние ледники рушатся с грохотом артиллерии, обнажая руины довоенных городов, ржавые советские заводы и черную, сочащуюся влагой тундру. Но свобода пахнет прелью и новой войной. Выбравшиеся из подземных нор люди заколачивают окна изб и роют землянки под полами — агорафобия, страх открытого неба, сводит их с ума. А в глубинах Первого Бункера могущественные научно-военные Клань Директората бьются в панике: талая вода затопливает нижние уровни. Чтобы вернуть человечество под землю, они объявляют тотальную мобилизацию и вскрывают Сектор «Ноль» — биологический кошмар Последней войны, замороженный сто лет назад. Чтобы выжить, бывшему одиночке придется стать лидером. Впереди — самая затяжная и кровавая ночь Новой Земли. Они отвоюют это солнце. Или сгорят в парящем тумане вместе со своим Оплотом.

© Анпилогов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Капель над бездной	5
ГЛАВА 2: ПРИВОЗ НА РАЗЛИВЕ	7
ГЛАВА 3: БАР «МОКРЫЙ ЯКОРЬ» И НОВЫЕ ЛИЦА	10
ГЛАВА 4: ЧЕРНАЯ ВОДА И МЕДНЫЙ КАБЕЛЬ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евгений Анпилогов

Грей. Оплот Прометея.

Глава 1: Капель над бездной

В огромном ангаре заброшенного локомотивного депо «Призрачная Стрела» пахло остывающей гарью, сырым, въевшимся в бетон железом и пронзительным, едким креозотом. Этот запах пропитал шпалы и смотровые ямы еще сто лет назад, до того как мир накрыла Ледяная Катастрофа. Сквозь рваные пробоины в высоком сводчатом потолке, куда в былые времена уходил дым советских маневровых тепловозов, теперь мерно, нескончаемо струился густой предрассветный туман. Он напознал с севера, со стороны отступающего пятиметрового ледника — тяжелый, маслянистый, несущий с собой душное дыхание оттаивающей земли. Вода капала отовсюду. С проржавевших металлических ферм перекрытий, со свисающих обрывков довоенной проводки, с массивных бортов застывших поездов-призраков. Этот звук — непрекращающийся, глухой, капля за каплей шлепающий по бетону и металлу — полностью уничтожил ту столетнюю, звенящую тишину Диких Земель, к которой привыкли сталкеры. Земля под ногами оживала. Плотный панцирь льда сошел, обнажив черную, израненную, сочащуюся влажной тундру. Она пахла душно и первородно: прелыми древними мхами, мокрой хвоей, болотной жижей и едва уловимым, тревожным привкусом старой, оттаивающей радиации. Солнце, которое раньше казалось лишь блеклым белым кругляком сквозь вечную метель, теперь поднималось над горизонтом злым, тяжелым свинцовым диском. От его непривычного тепла у людей, выросших в темноте подземных штрэков, слезились и нещадно резали глаза. Грей сидел на облупившейся стальной ступеньке огромного грузового тепловоза «2ТЭ116», зажав ствольную коробку винтовки между коленями. Нож в его руке двигался медленно, с ювелирной осторожностью снимая тонкую, как волос, стружку с деревянного цевья. Снайпер вывешивал ствол, подгоняя старую, побитую временем винтовку под себя. Его пальцы в обрезанных шерстяных перчатках были по локоть черными от солидола, нагара и ружейного масла «РЖ», но он не обращал на это внимания. В груди Грея сидела привычная глухая пустота. Пальцы по старой памяти искали тяжелое, эргономичное ложе его верной СВ-98, но та осталась лежать глубоко под завалами Центрального Директората. Ее ствол был перебит осколками, а оптический тракт расколот в мелкую крошку во время финального штурма во второй книге. Эта винтовка — классическая Снайперская Винтовка Драгунова — была последним, что успел передать им бригадир Савельич перед тем, как подорвать за собой штрэк, навсегда оставшись под тоннами обрушившейся породы. Грей перевернул оружие. Темное, иссеченное мелкими морщинами царапин и сколов деревянное ложе из бакелитовой фанеры хранило дух ушедшей эпохи. Лак на прикладе потрескался от тридцатилетнего хранения в сыром подземном тайнике, матовый вороненый металл ствольной коробки потерялся на углах до тусклого, серого блеска. От оружия пахло густым армейским салом и пороховой гарью. На правой стороне приклада чьей-то рукой была аккуратно выцарапана старая звезда. Грей поднял СВД, вскинул её к плечу, ловя взглядом окуляр. Винтовка показалась ему непривычно лёгкой, почти изящной, словно игрушка, по сравнению с его прежней массивной «болтовкой». Он плавно передёрнул затвор — сухой, резкий, механический клёкот разнёсся над притихшим ангаром. Оружие было живым. Оно ждало. Напротив, у костра, разведенного в бочке из-под советского дизельного масла, сидели Лёха и Серый. Единственные двое из группы Савельича, кто сумел выбраться из того ада под землей. Лёха, жилистый, вечно хмурый проходчик, яростно ворошил угли ржавым прутом арматуры. Серый, более молодой, с бледным от подземной жизни лицом, кутался в засаленный ватник и никак не мог перестать смотреть вверх — сквозь пробоины в крыше на бескрайнее свинцовое

небо. Агорафобия — страх чистого неба — выкашивала караваевских мужиков сильнее пулеметов. На поверхности у них кружилась голова, начиналась тошнота, а бескрайняя небесная высь казалась бездной, которая вот-вот засосет их в себя. — Батя бы сейчас сказал, что мы херней страдаем, — хрипло, простуженно произнес Лёха, не поднимая глаз от тлеющих углей. Он вытащил из кармана старый, закопченный рожковый ключ Савельича, который остался у них как единственная память, и положил на колено. — Сказал бы: «Мужики, крепите своды, лед сверху давит, сейчас штрек поплывет». А сводов больше нет, Грей. И льда нет. И бати нет... Мужики в лагере у «Прометея» в палатки выходить боятся. Заколачивают досками окна в брошенных наземных избах, землянки трехметровые под полами роют. Боятся, что небо на них рухнет. Мы без Савельича как слепые щенки в этой грязи копошимся. — Хватит скулить, Лёх, — тихо подал голос Серый, дернув плечом. Его взгляд на секунду оторвался от неба. — Батя нам жить велел. Станцию стеречь. Только как ее стеречь, если у нас патронов — кот наплакал, а из защиты только наши старые подземные спецовки? Если Директорат придет, мы тут в депо ложиться и помирать должны? За Савельича мы им долг еще не вернули. Грей промолчал, аккуратно откладывая напильник. Он знал, что слова здесь не помогут. Савельич остался там, внизу, прикрыв их отход своим телом. Все, что у них осталось — это ржавое депо, парной туман под ногами и Клань Директората, которые уже выслали карательные отряды Охотников на поиски геотермальной станции. В этот момент из темноты пассажирского вагона, приспособленного под временное жилье, вышла Елена. Ее тонкое лицо осунулось, под глазами залегли темные круги от бессонных ночей, а пальцы были испачканы в мазуте — она часами возилась с генераторами. На ней был натянут поношенный армейский бушлат, который висел на ней мешком. — Грей, третий контур охлаждения реактора «Прометея» дает сбой, — ее голос дрожал от усталости, но в нем проглядывала прежняя инженерная жесткость. — Защитные реле довоенной автоматики выбивает каждые два часа. Мне нужны медные кабели высокой очистки в свинцовой оплетке и соединительные платы связи. Без них станция начнет сбрасывать перегретый пар прямо в подземные галереи Караваевки. Люди там просто заживо сварятся. Грей поднялся со ступени, закинув ремень СВД на плечо. Металл антабки привычно звякнул о пряжку разгрузки. — Собирайся, Елена. Лёха, Серый, поднимайте остальных парней. Нам нужно идти на «Привоз». Нам нужны платы для реактора, а вам — средства защиты и патроны. На поверхности без кевлара и хороших плит теперь долго не живут. Директорат выслал батальоны «Железных Псов», и Кремень возглавляет их. Пора выходить из нор.

ГЛАВА 2: ПРИВОЗ НА РАЗЛИВЕ

Они вышли к границам Ржавого Архипелага через три часа тяжелого марш-броска по раскисшей, жидкой тундре. Под ногами хлюпала черная грязь, колеса брошенных советских «ЗИЛов» и «КамАЗов», застрявших здесь сто лет назад, наполовину ушли в оттаявшую почву. Когда-то здесь был крупный промышленный город, но теперь он превратился в жуткое и величественное зрелище. Из темной, маслянистой водной глади, словно серые скалы, торчали остовы блочных девятиэтажек. Их фасады были изъедены ржавчиной, с балконов свисали длинные плети болотного мха, а из пустых оконных проемов пластами съезжал вековой лед, со звучным, тяжелым плеском обрушиваясь в воду. Между домами образовались глубокие, полноводные каналы. По ним, поднимая тучи брызг, передвигались утильщики на самодельных моторных плотках и длинных плоскодонных лодках. Торчащие из воды плоские крыши трех пятиэтажек, соединенных между собой широкими настилами из толстых лиственничных досок, превратились в обитаемый остров. Это и был «Привоз на Разливе» — бьющееся сердце торговли всей Новой Земли.

На рынке стоял оглушительный, непрекращающийся гул. Сотни чаек и болотных птиц, вернувшихся на оттаявшие водоемы, кружили над прилавками, вырывая куски рыбы. Утильщики в засаленных, мокрых гидрокостюмах громко ругались, деля добытый со дна цветной металл. Из динамиков старого кассетного магнитофона «Весна», запитанного от автомобильного аккумулятора, хрипел заезженный советский шлягер. Пахло болотным илом, тухлой рыбой, дешевым самосадом, керосином из ламп и сырой, прелой овчиной ватников. Лоточники раскладывали свой нехитрый товар прямо на листах ржавого железа, ящиках из-под снарядов или капотах вросших в бетон машин. Здесь можно было купить все: от ржавого довоенного топора и банки со старой смазкой «ЦИАТИМ-201» до сложных плат, выковыранных инженерами из разбитых дронов Директората. Ходовой валютой оставались патроны калибра 7,62, медная проволока и чистая, фильтрованная пресная вода. Грей шел первым, держа завернутую в брезент СВД наперевес. Елена шла чуть позади, настороженно оглядываясь по сторонам. Лёха и Серый шли следом, стараясь не смотреть вверх на небо, их руки крепко сжимали шахтные ломы и старые охотничьи ножи. Выбор бронезащиты у «Ржавого Якова» Они остановились у прилавка «Ржавого Якова» — сухого, кривого на один глаз старика с седой щетиной. Его торговая точка располагалась прямо на капоте полузатопленного грузовика «ЗИЛ-130». На ржавом железе рядами лежали серые бронежилеты, каски, пропотевшие армейские подшлемники и брезентовые под сумки. — О, свежая кровь с «Прометея»! — Яков оскалил желтые зубы, сплюнув темную слюну от табака под настил. — Ищете, чем шкуру прикрыть? Есть отличные вещи, с хранения. Кевлар сухой, пулю держит, осколки ловит. Что подбираем? Грей подошел ближе, переворачивая тяжелые армейские бронежилеты 3-го класса защиты со стальными пластинами. Они были слишком тяжелыми — весили больше десяти килограммов. По раскисшим болотам и тундре в таких далеко не уйдешь, через пять километров марш-броска спина просто откажется служить. Наконец, его взгляд зацепился за советский общевойсковой бронежилет 6Б23-1 в выцветшем камуфляже «флора». Жилет был б/у, ткань на плечах потерлась от ремней автоматов, но швы и стропы оставались крепкими. Грей ловко расстегнул клапаны, вытащил тканевые экраны и проверил кевлар — он был плотным, сухим, без следов гнили и плесени. Такой жилет защитит от pistolетных пуль и осколков гранат. Для Елены Грей подобрал легкий инкассаторский жилет «Кора-Кулон» серого цвета. В нем не было громоздких плечевых и паховых элементов, что было идеальным для нее: жилет не сковывал движения, позволяя свободно гнуть спину и возиться с тонкими кабелями реактора. — Зачем он мне? — тихо заворчала Елена, когда Грей накинуд жилет ей на плечи. — Он тяжелый, пахнет чужим потом и стиральным порошком. Он мне дышать мешает, давит на грудь. — На поверх-

ности мода одна, Елена — чтобы пуля ребра не переломала и легкие наружу не выпустила. Привыкай, — отрезал Грей. Он жестко ухватил края жилета и со скрипом затянул боковые липучки на ее талии, подгоняя броник по фигуре. — Снимать только на базе. Поняла? Для Лёхи и Серого Грей выбрал два старых, но прочных бронежилета «ЖЗЛ-74» (жилет защитный легкий) со специальными чешуйчатыми элементами. От автоматной пули они не спасут, но от ножа мародеров или осколков в ближнем бою уберегут наверняка. Яков внимательно следил за его движениями, кивая головой: — Правильно мыслишь, сталкер. За все жилеты и пару старых стальных касок СШ-68 с тебя пятьдесят дефицитных патронов 7,62x54 с серебряным носи-ком (ЛПС) и три банки очищенного машинного масла для механизмов. Меньше не возьму, товар ходовой, Кланы насаждают. Грей молча отсчитал патроны из подсумка и выставил на капот жестяные банки с маслом. Яков удовлетворенно сгреб добычу в деревянный ящик.

Затем они двинулись к оружейной лавке Палыча — бывшего прапорщика довоенной армии, огромного мужчины с пивным животом и окладистыми седыми усами. Палыч обустроил свою мастерскую прямо в кузове крытого армейского «КамАЗа», застрявшего между бетонными плитами крыши. Внутри пахло пороховой гарью, щелочным маслом и сухим подвальным теплом. На деревянных стеллажах тускло поблескивали стволы старых охотничьих ружей, карабинов «Сайга» и ржавых автоматов Калашникова. Грей вытащил из мешка довоенную переходную планку Пикатинни, которую утильщики достали со дна затопленного военкомата. Он приложил ее к левой стороне ствольной коробки своей СВД. На старое советское боковое крепление «ласточкин хвост» планка не вставала — мешал разбитый, деформированный стопорный штифт. — Палыч, поможешь притереть? Есть инструмент? — спросил Грей, выкладывая планку на верстак. Палыч вынул изо рта старую трубку, пустив густой шлейф вонючего дыма, и смерил Грея взглядом: — Инструмент-то есть, сталкер. Да только сам пили. Руки у тебя, вижу, из правильного места растут, не барские. Металл на ствольной коробке тут советский, каленый, тут нежность не нужна, тут сила нужна. На, держи. Прапорщик протянул Грею тяжелый трехгранный напильник с деревянной ручкой и указал на массивные слесарные тиски, намертво прикрученные к верстаку. Грей кивнул. Он снял с СВД деревянное цевье и приклад, аккуратно завернул ствол в тряпку и намертво зажал ствольную коробку в тисках. Следующий час прошел под мерный, пронзительный скрежет металла. Пальцы Грея сводило от сырого, ледяного ветра, дующего сквозь проем кузова, но он упрямо, миллиметр за миллиметром, ставил деформированный стопор, подгоняя пазы планки под крепление винтовки. Руки были по локоть в черной металлической пыли и солидоле. Елена стояла рядом, внимательно наблюдая за его работой, и вовремя подавала ему нужные надфили. Когда планка наконец села на место с плотным, идеальным щелчком, Грей достал из сумки двухкомпонентную эпоксидную смолу, которую Елена развела для него в жестяной крышке из-под тушенки. Он густо смазал винты крепления клеем и намертво затянул их. Теперь на винтовку можно было поставить тяжелый современный тепловизионный прицел, снятый со сбитого дрона Директората, не боясь, что отдача собьет настройки. В завершение Грей взял рулон серой тканевой изолен-ты и плотно, в несколько слоев, обмотал деревянный приклад СВД — теперь в холодные туманные рассветы щека не будет примерзать к лакированному дереву.

На углу дощатого настила, в бывшей бетонной будке лифтовой шахты, расположилась аптека «Доктор Шприц». Ее хозяин, бледный, худой мужчина по имени Аркадий, ходил в идеально чистом медицинском халате, надетом поверх засаленного ватника. Внутри будки пахло спиртом, йодом и сушеными болотными травами. — Что ищем, молодые люди? — мягко, с легкой улыбкой спросил Аркадий, поправляя круглые очки. — Есть чистый медицинский спирт для дезинфекции, стерильные советские бинты с хранения, активированный уголь. Если радиацию подхватили на оттаявших скотомогильниках — есть цистамин в таблетках. Срок годности, конечно, вышел еще до Последней войны, но тошноту и слабость снимает исправно. Елена вышла вперед, вытаскивая из сумки старый, но рабочий довоенный мультиметр в прочном

пластиковом корпусе — дефицитная вещь для любого технаря на рынке. — Мне нужен промедол в шприц-тюбиках, антибиотики широкого спектра и стерильные салфетки, — четко сказала она. Аркадий при виде мультиметра оживился, его глаза заблестели. Он быстро залез под прилавок и выставил три картонные коробки с медикаментами: — Отличный прибор, договорились. Вот, держи. Три пачки промедола, коробка тетрациклина. И помните, девочка: в болотах сейчас вода гнилая, ледник уходит, вся древняя грязь наружу лезет. Пейте только кипяченую воду, иначе черви в печени заведутся быстрее, чем Охотники Директората вас найдут.

Завершив дела с экипировкой, они направились к продуктовым рядам, где под рваным брезентовым тентом торговала баба Тоня — полная, добродушная женщина в теплых платках и огромном фартуке. На ее прилавке, сооруженном из деревянных ящиков, лежали продукты нового, оттаявшего мира. У голодных сталкеров, привыкших к безвкусным подземным концентратам и соевой каше, здесь кружилась голова от запахов. Грей и Елена принялись изучать местное кулинарное меню:

Похлебка «Караваевская глухая» — густой суп из сушеного озерного усача, разваренной соевой крупы и горького лишайника. Баба Тоня варила ее прямо здесь, в огромном чугунном котелке на костре. Цвет у похлебки был грязно-серым, но она моментально согревала тело в сыром тумане.

«Болотный усач» холодного копчения — крупные, черные рыбыны, перевязанные бечевкой. Мясо лоснилось от янтарного жира. Пахло дымом и солью. Лепешки «Хлеб из камня» — сухие, плоские, серо-зеленые кругляши из тертого мха-чечевичника с добавлением толченого сушеного мяса мутантов. На ощупь они напоминали фанеру, но в сырости абсолютно не гнили, а одной лепешки хватало на день тяжелого марш-броска.

Моченая полярная морошка — трехлитровые стеклянные банки, наполненные крупными янтарными ягодами в мутном, кислом соку. Лучшее средство от цинги и слабости в Диких Землях.

Тяжелый брусок соленого свиного сала — довоенный стратегический запас, который утильщики достали из герметичного армейского ледника на глубине десяти метров. Сало было старым, слегка пожелтевшим по краям, но оставалось незаменимым источником чистой энергии для похода.

Грей забрал двух крупных копченых усачей, мешок лепешек из мха и брусок сала, отдав взамен горсть пистолетных патронов калибра 9х18. Баба Тоня аккуратно завернула продукты в чистую рогожу и пожелала им доброго пути.

ГЛАВА 3: БАР «МОКРЫЙ ЯКОРЬ» И НОВЫЕ ЛИЦА

Закупившись провизией и затянув бронезилеты, Грей, Елена, Лёха и Серый поднялись по ржавой пожарной лестнице на крышу соседней девятиэтажки. Здесь, в уцелевшем актовом зале бывшей советской школы, располагался бар «Мокрый Якорь». Окна зала были наглухо заколочены толстыми досками, сквозь щели которых внутрь пробивались бледные, редкие лучи солнца, подсвечивая кружащиеся в воздухе пылинки. Посреди просторного зала стояла гигантская чугунная буржуйка, сваренная из старой бочки. Ее длинная труба уходила в вентиляционную шахту, а вокруг распространялось приятное, сухое тепло. За длинными деревятьельными столами, сколоченными из половых досок, сидели утильщики, сталкеры и хмурые караваевские мужики. За стойкой из толстого соснового горбыля стоял хозяин заведения — Костыль, одноногий ветеран подземных войн, потерявший конечность в стычке с дронами Директората. Он разливал в закопченные железные кружки горячий «Чай-Бормот» — настой из березовой чаги, хвой оттаявших лиственниц и щепотки сушеной морковки. Грей и Елена сели за дальний стол в углу зала, подальше от чужих глаз. Лёха и Серый устроились рядом. Грей поставил СВД между коленей, не снимая руки со ствола. Вскоре к ним подсел Пашка «Чекушка» — молодой парень, местный механик с Архипелага. Его засаленная ушанка с одним оторванным ухом съехала на затылок, а глаза азартно блестели. — О, караваевские пожаловали! Рад, что живы, — зашептал Пашка, косясь на соседние столы и прихлебывая горький чай. — Я тут лодку свою подшаманил, движок от «ЗИЛа» теперь поет как ласточка. Елена, я слышал, вам на «Прометей» платы нужны и кабель в свинце? Знаю я одно место. Безопасный проход к затопленному довоенному заводу связи «Авангард». Там на верхних этажах этого добра полно, утильщики туда дотянуться не могут, глубоко. Но предупреждаю сразу: в воде под Архипелагом развелось какое-то дерьмо, пришедшее вместе с тальми водами с севера. Какая-то тварь слепая, огромная. На днях двух утильщиков прямо с канатного моста утащила, только лапы наружу всплыли. Пойдете со мной? Не успел Грей ответить, как тяжелая дубовая дверь бара с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В зал вошел человек, при виде которого все разговоры за столами мгновенно смолкли, а утильщики потянулись к ножам. На вошедшем был выпцветший камуфляж «афганка» без знаков различия и старый, потертый кожаный реглан. Лицо мужчины было суровым, изрезанным глубокими шрамами от осколков, а на голове сидела выпцветшего образца офицерская фуражка. Это был Майор Зубов — опальный командир из Клана Охотников Директората. Его сослали на дальние рубежи за излишнюю человечность и отказ расстреливать мирные общины под землей. Зубов медленно обвел зал тяжелым взглядом, заметил Грея и направился прямо к их столу, тяжело стуча подкованными армейскими ботинками по старому паркету. Лёха тут же подобрался, его рука легла на ломик, а Грей плавно опустил правую ладонь под стол, нащупывая спусковой крючок СВД. Майор подошел, бесцеремонно отодвинул деревянный стул и сел напротив Грея. Он снял фуражку, обнажив седину на висках, и положил на стол свою широкую, покрытую мозолями ладонь. — Не дергайся, сталкер, — тихо, но удивительно отчетливо произнес Зубов, глядя прямо в глаза Грею. — Если бы я хотел сдать вас Совету Кланов, здесь бы уже стоял штурмовой батальон «Железных Псов», а от вашей Караваевки осталась бы только выжженная пустыня. Кремень жив, Грей. Его собрали заново в медицинских блоках Первого Бункера. Половина его тела теперь — поршневые гидравлические протезы, вместо левого глаза — тепловизионная матрица, бьющая сквозь туман. Он безумен, он жаждет твоей крови за то, что ты сделал с ним. И он помнит, кто уничтожил его отряд в штреках. Лёха и Серый переглянулись, их лица потемнели при упоминании штреков — именно там погиб Савельич. Елена побледнела, ее пальцы судорожно сжали край деревянного стола. Грей оставался внешне спокоен, лишь сильнее сжал зубы. — И зачем ты пришел сказать мне это, майор? — спросил Грей. — Ты все еще носишь

форму Директората.— Я ношу форму солдат, а не палачей, сталкер, — Зубов вытащил из внутреннего кармана реглана грязную, потертую карту довоенных подземных коммуникаций и толкнул ее по столу к Грею. — Мои парни из Клана Охотников не хотятдохнуть в этих гнилых болотах за амбиции Кριο-инженеров. Кремень уже получил карт-бланш от Совета. Кριο-инженеры требуют уничтожить «Прометей», потому что талая вода пошла в их вентиляционные шахты нижних уровней, они задыхаются. Кремень пойдет через заброшенный карьер в обход депо «Призрачная Стрела». Он хочет отрезать вас от станции. Уводи людей, Грей. Кремень выжжет все на своем пути. Майор поднялся, натянул фуражку на голову и, не оборачиваясь, быстрыми шагами вышел из бара. На столе осталась лежать довоенная карта, на которой жирным красным карандашом был прочерчен маршрут движения тяжелых бронетранспортеров Директората. Грей посмотрел на карту, затем перевел взгляд на Лёху и Серого. Назад дороги не было.— Ну что, мужики, — Грей поднял СВД, проверяя надежность крепления новой планки. — Савельич дал нам шанс выжить на этой поверхности. Пора показать Кремню, что группа Савельича еще может огрызаться. Пашка, заводи свое корыто. Сначала добудем платы на заводе, а потом встретим «Железных Псов» как полагается.

ГЛАВА 4: ЧЕРНАЯ ВОДА И МЕДНЫЙ КАБЕЛЬ

Сырой рассвет над Ржавым Архипелагом не принес тепла. Плотный, похожий на прокисшее молоко туман напал с севера, со стороны отступающего пятиметрового ледника. Воздух был настолько перенасыщен влагой, что брезент общевоинского бронежилета 6Б23-1 на груди Грея потемнел и отяжелел уже через десять минут после выхода из «Мокрого Якоря». Вода капала отовсюду: со ржавых пожарных лестниц, со свисающих обрывков довоенных телефонных проводов, с козырьков заброшенных балконов. Этот непрекращающийся, глухой шелест миллионов падающих капель полностью заменил собой вековую тишину, к которой сталкер привык во льдах. Пашка «Чекушка» ждал их у торчащего из воды козырька бывшего подъезда, который теперь служил причалом. Его лодка была чудовищем франкенштейновского толка: сваренная из листов обшивки речного трамвая и капотов грузовиков, она тяжело сидела в темной, маслянистой воде. Позади, на самодельной раме из швеллеров, стоял огромный, засаленный V-образный двигатель от «ЗИЛ-130», от которого разило плохим бензином и перегретым солидолом. Пашка, натянув ушанку с одним оторванным ухом на самый затылок, яростно крутил гайку на карбюраторе огромным рожковым ключом. — О, явились, охотники за цветметом! — Пашка хмыкнул, утирая нос грязным рукавом ватника. — Залезайте, только аккуратно. К борту не прислоняться, там швы сварные на честном слове и сталкерской молитве держатся. Елена, садись ближе к центру, на ящик с инструментом. Если движок чихнет — не пугайся, он просто жизнь вспоминает. Грей молча перешагнул через борт. Его новая СВД, укрытая от сырости брезентовым чехлом, легла на колени. Пальцы в обрезанных перчатках привычно поглаживали изоляцию на прикладе. Лёха и Серый прыгнули следом, заставив судно опасно накрениться. Лёха привычно хмурился, поправляя пластины своего нового жилета «ЖЗЛ-74», который пах складской нафталиновой свежестью. Серый устроился на носу, сжимая в руках тяжелый обрез охотничьей двустволки, который он выменял на барахолке. — Капюшоны накиньте, мужики, — не оборачиваясь, бросил им Грей. — Туман глаза выест, стрелять не сможете. И сними пальцы со спускового, Серый. На воде от твоего обреза толку мало, если тварь пойдет снизу. Лодка тяжело отвалила от бетонного козырька. Двигатель рывкнул, выбросив в парящий туман сизое облако едкого дыма, и ровно застрекотал, толкая посудину вперед, вглубь затопленного индустриального района.

Они шли между фасадами панельных домов. Из пустых оконных проемов, похожих на глазницы черепов, пластами съезжал серый вековой лед, с глухим плеском обрушиваясь в воду. На уровне четвертого этажа между домами были натянуты канатные мосты, сплетенные утильщиками из стальных тросов. Кое-где на окнах уцелели ржавые решетки, на которых пучками сушилась болотная трава и вяленый озерный усач. Жители Архипелага провожали лодку хмурыми, настороженными взглядами из темноты затопленных комнат. Люди здесь не любили чужаков, особенно вооруженных. — Нанам вон туда, к трехэтажному корпусу с круглой крышей, — Пашка перекрикивал рокот мотора, указывая ключом на массивное здание из красного кирпича, наполовину ушедшее в воду. — Это бывший главный цех сборки высокочастотной аппаратуры. Утильщики туда не суются. Глубоко, темно, да и слухи ходят... нехорошие. Про ту тварь, что людей с мостов снимает, я не шутил. Лодка сбросила ход и по инерции всплыла под огромную, полуразрушенную арку цеха. Внутри воцарился полумрак. Пахло вековой сыростью, старым машинным маслом и какими-то тухлыми водорослями. Свет пробивался лишь сверху, сквозь разбитые стеклянные панели потолочных фонарей, рисуя на черной зеркальной воде длинные, бледные полосы. — Приехали, — Пашка заглушил мотор. Наступившая тишина показалась мертвой, давящей. Было слышно только, как внутри здания, где-то в глубине затопленных коридоров, мерно эхо разносит всплески воды. — Елена, доставай свои приборы. Грей, держи ствол наготове. Вода здесь... живая. Елена скинула бушлат, оста-

вив на себе легкий инкассаторский жилет «Кора-Кулон», который Грей заставил ее надеть на рынке. Жилет сидел плотно, сковывая движения груди, но девушка лишь упрямо стиснула зубы. Она достала из герметичного мешка старый довоенный фонарь-прожектор и направила мощный луч лунно-белого света вниз, в глубь затопленного цеха. Сквозь толщу зеленоватой воды проступили контуры гигантских штамповочных станков, покрытых ковром из склизкого бурого мха. Между ними, словно змеи, вились толстые, окованные свинцом силовые кабели. — Вот они, — тихо, но почти шепотом сказала Елена, и ее голос гулко отразился от кирпичных сводов. — Медный кабель высокой очистки. Если мы отрежем хотя бы метров тридцать, я смогу восстановить третий контур охлаждения «Прометея». Но они глубоко. Метра три до платформы. — Я пойду, — Лёха рванулся было сбросить куртку, но Грей жестко перехватил его за плечо. Пальцы снайпера сжались как стальные тиски. — Сиди, Лёх, — холодно бросил Грей. — Вода — не твоя шахта. Тут крепить нечего, обвалов не будет, а вот утонуть — раз плюнуть. Пашка, доставай скафандр. Пашка вытащил из-под носового настила тяжелый, покрытый вмятинами трехболтовой водолазный шлем старого советского образца и резиновый костюм, пахнувший слежавшимся тальком. Этот скафандр повидал виды: на груди красовалась грубая заплатка из толстой шинной резины. — Воздух качать будете вдвоем с Серым, — Пашка указал Лёхе на ручной двухцилиндровый насос с огромным маховиком, закрепленный посреди лодки. — Крутить плавно, без рывков. Если остановитесь — я там, внизу, рыбьим кормом стану за две минуты. Грей, подстрахуй. Если увидишь, что шланг дергается три раза коротко — тащите меня вверх со всей дури. Грей молча кивнул. Он сел на борт лодки, положив СВД на планшайбу. Брезентовый чехол был сброшен. Винтовка, которую он вчера лично перебрал, обточил под себя и очистил от векового нагара, лежала в руках как влитая. Он взвел затвор. Сухой, резкий щелчок заставил Серого вздрогнуть. Грей прильнул к прицелу ПСО-1. Желтоватая оптика старого образца слегка искажала картинку в полумраке цеха, но сетка со светящимся угольником четко легла на темную водную гладь у борта. Лёха и Серый взялись за рукоятки насоса. Маховик тяжело повернулся со скрипом, воздух с шипением пошел по толстому армированному шлангу. Пашка, уже задраенный в тяжелый медный шлем, неуклюже перевалился за борт и с гулким сплеском ушел под воду, оставив после себя шлейф крупных пузырей.

Минуты потянулись томительно долго. В полумраке цеха слышался только мерный, натужный хрип воздушного насоса: вжих-вжих, вжих-вжих. Лёха тяжело дышал, его широкий лоб покрылся каплями пота, но он не отпускал рукоять, помня, как под землей от исправности вентиляции зависели жизни всей бригады Савельича. Серый работал молча, налившись краской, его взгляд был прикован к пузырям, поднимающимся со дна. Сквозь толщу воды было видно, как тусклый луч пашкинского фонаря шарит по дну. Вот он добрался до распределительного щита. Послышался глухой, вибрирующий под водой стук — Пашка орудовал тяжелым зубилом и молотком, перерубая толстый медный жгут. Грей не шевелился. Он превратился в статую, слившись с корпусом лодки. Его правый глаз не отрывался от окуляра прицела. Он вел стволом по периметру затопленного зала, проверяя темные углы между полуразрушенными кирпичными колоннами. Где-то там, в глубине, вода была слишком черной, неподвижной. Вдруг пузыри у борта лодки пошли в сторону. Фонтан воздуха прервался. Грей заметил, как длинный резиновый шланг натянулся и резко дернулся вбок, уходя под массивную станину довоенного станка. — Грей! — не выдержав, крикнула Елена, но не бросила прожектор. — Шланг уходит! — Вижу. Качайте, мужики, не останавливаться, — процедил Грей. В желтом круге прицела, прямо под слоем воды, мелькнула длинная, широкая тень. Она двигалась без всплесков, абсолютно бесшумно, но скорость ее была пугающей. Это не было похоже на рыбу. Тень имела сегментированное, гибкое тело, напоминающее гигантскую многоножку или слепого подземного червя, который веками спал в ледяной капсуле, а теперь ожил в теплой воде оттаявшего Архипелага. Шланг дернулся один раз. Сильно. Лодка качнулась, зачерпнув бортом холодную воду. — Лёха, Серый, тяни его! — рявкнул Грей, сбрасывая предохранитель

СВД. Лёха бросил насос и вцепился в армированный шланг, упиравшись кирзовыми сапогами в деревянный настил лодки. Серый остался один на насосе, его руки дрожали от напряжения, маховик крутился с огромным трудом, издавая жалобный писк. Вода у борта вскипела. На поверхность показался медный шлем Пашки, но он не поднимался сам — его что-то тащило обратно, в глубину. Сквозь мутное стекло иллюминатора было видно бледное, искаженное ужасом лицо парня. Вокруг его резинового скафандра обвилось толстое, лоснящееся от слизи кольцо серо-зеленой плоти, покрытое короткими, жесткими шипами. — Держи его, Лёха! Не пускай на дно! — крикнул Грей. Снайпер поймал в прицел место, где серая туша твари сжимала резиновый бок скафандра. Расстояние — три метра. Вода искажает траекторию, пуля пойдет выше. Нужно брать поправку, ниже, прямо в темную воду. Хлысь! — СВД отозвалась хлестким, оглушительным выстрелом, который многократным эхом ударил по кирпичным стенам цеха. Пороховые газы обожгли лицо. Тяжелая семиграммовая пуля калибра 7,62 ушла под воду, оставив за собой белый след. Тварь под водой дернулась, выпустив струю густой, черной как деготь крови. Кольца разжались. Пашка, хрипя сквозь клапан шлема, вывалился на поверхность. Лёха с глухим рыком рванул шланг на себя, вытаскивая водолаза на планширь. Но тварь не ушла. Раненое чудовище развернулось в узком пространстве между станками. Вода вокруг лодки забурилась, поднимая со дна вековую ржавчину и гнилой мох. Из темноты показалась плоская, лишенная глаз голова, усаженная рядами шевелящихся ротовых присосок. Она шла прямо на лодку, собираясь перевернуть легкую жестянку. — Серый, стреляй! — крикнул Грей, плавно наводя ствол СВД на приближающуюся массу плоти. Серый бросил рукоять насоса, вскинул свой обрез и, зажмурившись от страха, бабахнул дуплетом прямо в набегающую волну. Грохот картечи разорвал полумрак цеха. Крупные свинцовые шарики пропахали воду, знатно посекали морду чудовища. Тварь взвизгнула — жуткий, свистящий звук вырвался из ее пасти. Бам! Бам! — Грей поддержал его полуавтоматом, посылая пулю за пулей в разинутые челюсти твари. Каждое попадание выбивало фонтаны грязной воды и ошметки серого мяса. Винтовка в его руках работала безупречно, затворная рама лязгала с сухим, механическим благородством, выбрасывая горячие дымящиеся гильзы прямо на мокрые доски настила. Пашка, у которого Лёха уже успел свинтить тяжелый шлем, сидел на дне лодки, жадно хватая ртом воздух. Его лицо было бледным, как штукатурка, а на шее отпечатались красные следы от шипов твари. Но в руках, прижатый к груди, он крепко держал тяжелый, грязный моток толстого медного кабеля в свинцовой оплетке. — Достал... — прохрипел Пашка, выдавив из себя слабую улыбку. — Достал, суку... Грей, вы с Серым чертовы стрелки. Еще бы секунда, и она бы из меня консервы сделала. Грей молча отсоединил пустой магазин, достал из подсумка нового жилета 6Б23 свежую обойму и с тихим щелчком загнал ее в приемник. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах горел недобрый огонь. — Пашка, заводи мотор, — приказал Грей. — Лёха, Серый, проверьте кабель. На этот шум сейчас со всего Архипелага мародеры сбегутся. Да и Кремень со своими псами не глухой. Двигай к Мертвой Сети. Нам нужны «Слухачи». Лодка, оставляя за собой широкий шлейф пены и масляных пятен, вылетела из полуразрушенной арки цеха, устремляясь на север, туда, где над туманными болотами вставали сухие, мертвые вершины хвойного леса высокогорного плато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.